

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Экспертное обсуждение концепции проекта ФЗ «О культуре»

В рамках открытого семинара НИУ ВШЭ «Актуальные вопросы культурной политики» 23 апреля 2019 года на Факультете гуманитарных наук состоялось экспертное обсуждение концепции проекта ФЗ «О культуре».

Руководители семинара: Татьяна Абанкина и Виталий Куренной.

Ученый секретарь: Александр Сувалко.

В обсуждении приняли участие:

Абанкина Татьяна Всеволодовна, директор Центра государственного сектора экономики НИУ ВШЭ, профессор.

Голубковский Анатолий Борисович, вице-президент Межрегионального общественного фонда «Образование в третьем тысячелетии», Главный редактор телекомпании "СТРИМ".

Карпова Ольга Викторовна, декан факультета Управления социокультурными проектами Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН).

Коновалова Елена Васильевна, руководитель Программы «Культура» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко.

Ксынкина Галина Михайловна, ведущий эксперт Института управления государственными ресурсами НИУ ВШЭ.

Куренной Виталий Анатольевич, руководитель Школы культурологии и Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ, профессор.

Рубинштейн Александр Яковлевич, профессор Московской Школы Экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Рудник Борис Львович, директор Института управления государственными ресурсами НИУ ВШЭ.

Хестанов Руслан Заурбекович, профессор Школы культурологии НИУ ВШЭ

Чуковская Екатерина Эдуардовна, ведущий научный сотрудник Института искусствознания.

В. А. Куренной: Я немного расскажу про рамку нашего мероприятия. У нас очередное заседание общеуниверситетского научного семинара, посвященного современной культурной политике, мы его начали в этом учебном году при участии Татьяны Всеволодовны и Бориса Львовича Рудника, Руслана Заурбековича Хестанова — он тоже постоянно работает в рамках этого семинара. У нас понятна повестка дня. Наше обсуждение достаточно широкое. На предыдущем семинаре мы обсуждали аспекты, связанные с современным туризмом в России и с теми сложностями, которые там есть. Мы также проводим этот семинар на разных площадках. В частности, первый у нас был на площадке Общественной палаты, его проводила как раз Татьяна Всеволодовна. И в целом мы рады видеть здесь регулярно специалистов, от которых мы также ждем инициатив и тем для обсуждения.

Но сегодня мы собрались, надо сказать, в достаточно узком составе. Мы целевым образом приглашали специалистов, экспертов, для того, чтобы таким общественным образом поучаствовать в обсуждении очень любопытного документа, который появился в последние месяцы. Это концепция проекта Федерального закона «О культуре». Как вы знаете, обсуждение его проходит на различных площадках. Оно проходило в Государственной Думе, в Общественной палате. Я как член рабочей группы Госсовета по культуре и искусству тоже могу сообщить, что обсуждалось на рабочей группе. Я думаю, наше обсуждение, его результаты, тезисы и выводы мы сможем направить также и в эту рабочую группу для того, чтобы приняли во внимание. Мы постарались, как вы могли заметить по вопросам, уйти от некоторой, может быть, излишней популяризации (политизации) этой темы. И, наверное, обсудить более существенные, фундаментальные вопросы, связанные прежде всего с тем, как намечаемые изменения в сфере законодательства в области культуры повлияют на, прежде всего, сферу и инфраструктуру государственной культурной политики в малых городах, в сельских поселениях, и в целом, насколько это окажет влияние на статус и некоторую идентичность работников сферы культуры. Текст документа находится в публичном доступе, и была путаница с двумя вариантами, насколько я понимаю. Мы обсуждаем тот вариант, который висит на сайте Министерства культуры.

Т. В. Абанкина: Добрый день еще раз, уважаемые коллеги. Виталий Анатольевич в принципе обозначил и предмет, и фокус нашего обсуждения. Но мне хотелось бы добавить, что мы планировали начать с обсуждения того, насколько в концепции нового проекта Федерального закона «О культуре» регулируется и предлагается регулировать деятельность государственных и негосударственных организаций в сфере культуры. Очень многие считают, что все-таки все предыдущие законы, связанные с культурой, во многом направлены на регулирование государственного муниципального сектора, то есть государственных и муниципальных учреждений. И с этой точки зрения деятельность негосударственных, коммерческих или некоммерческих, организаций фактически не урегулирована, и по целому ряду направлений они выглядят как такой дискриминируемый сектор. Прежде всего, в отношении доступа к бюджетным средствам и по целому ряду других вопросов. С этой точки зрения, кажется, что новый законопроект тоже не вполне, по крайней мере в концепцию, ввел положение, касающееся регулирования деятельности негосударственного сектора. Поэтому хотелось бы начать с обсуждения этого вопроса, а именно, насколько эти вопросы отражены в концепции законопроекта и что здесь было бы важно в связи с той политикой, которая проводится в последнее время, а именно направленной на выравнивание и доступа к бюджетным средствам, и усиление участия некоммерческого сектора, в том числе негосударственных некоммерческих организаций во всей гуманитарной сфере. Это касается не только сферы культуры, но и других отраслей социальной сферы.

Б. Л. Рудник: Сначала я бы хотел выразить свое отношение к этому законопроекту. Вы знаете, я не буду вникать в суть листа, что там хорошо, где там не очень хорошо. Но что мне кажется важным, положительным моментом в этом движении, которое я увидел в этом документе. Я проведу сопоставление. Вы, наверное, знаете, что сейчас подготовлен Закон о социальном заказе. Говорят, этот закон застрял пока. Я его критиковал, в том числе в РБК, очень резко критиковал. Но дело здесь не в этом. Я хочу обратить ваше внимание на другое. Общее законодательство, общеотраслевое, типа бюджетного, этот закон, конечно, из

области гражданского законодательства, ну и бюджетного тоже, развивается и развивается довольно быстро. При этом очень медленно развивается в нашей сфере — в сфере культуры. Это законодательство отраслевое, которое обеспечивает учет особенностей, это очень важно, чтобы нам тоже не отставать далеко. Этот вопрос, на мой взгляд, очень важный. С этой точки зрения, конечно, концепция отвечает требованиям учета особенностей. Но есть один момент. Понимаете, очень тонкая грань между учетом особенностей и полным отгораживанием от законодательства. Не впасть бы нам..., а здесь есть, мягко говоря, такие стремления. Как бы нам не перейти от учета особенностей в общем-то к отгораживанию от всего. А то мы будем разрабатывать свои бюджетные кодексы в культуре, свои программы и так далее. Это очень опасный путь, но грань тонкая.

Теперь, что касается НКО. Коллеги, я взял таблицу из своей статьи, где я рассмотрел все отрасли. Ну у нас не любит культура, когда ее причисляют к социальной сфере. Поэтому я буду говорить о социальной культурности. Как же там разработано, в этом отраслевом законодательстве, как там определено место некоммерческого сектора? Могу вам сказать - довольно детально. Причем я здесь выделил несколько позиций. Это и образования касается, у образования вообще на каждом уровне свои механизмы: общее образование — свой механизм, профессиональное — свои механизмы. Это касается здравоохранения, здесь страховая медицина есть, но и бюджетных расходов тоже касается. Это касается и социального обслуживания, и физкультуры и спорта.

И только в культуре вообще нет ни одной нормы, которая бы касалась, в основе законодательства, взаимоотношений государства с НКО в плане передачи туда бюджетных средств. Потому что так-то есть оно, творческими союзами... То есть этого нет вообще.

Хорошо это или плохо? Обратите внимание, президент ставил такую задачу, сколько, 4 раза? Даже один раз он определил цифры — до 10 процентов от средств, которые направляются субъектами Российской Федерации на финансирование социальных программ. А поскольку бюджет сейчас весь программный, в субъектах РФ, то по сути речь идет о проценте от всех расходов социального характера — до 10 процентов. Сколько у нас сейчас, полтора процента? Ну почему это происходит? Потому что законодательство тоже виновато. Давайте посмотрим, что у нас в законодательстве. Ну в культуре вообще ничего нет, это я говорил. Что нам предстоит? То, что хотя бы есть в других отраслях, на что мы можем посмотреть.

Прежде всего мы должны определить с вами: органы государственной власти и органы местного самоуправления имеют ли права или обязанности по привлечению НКО к оказанию социальных услуг, к работе в социальной сфере? Там же не только услуги. Права или обязанности? Есть отрасль и есть виды деятельности, есть ли права и есть ли прямо установленные обязанности по всем пунктам, установленные федеральным законодательством?

Второй вопрос: то, что в культуре эти некоммерческие организации будут делать, это государственный муниципальный ресурс или нет? Может быть и так и так. В отраслях есть такой момент. Бюджетный кодекс прямо указывает, что мы должны определиться с этим. Это первое. Второе. Являются ли услуги или работы, которые осуществляют некоммерческие организации, реализацией социальных гарантий государства, если государство поддерживает НКО или привлекает НКО к оказанию социальных услуг? Есть и те, и те примеры. Например, в общем и дошкольном образовании услуги, которые оказывают школы, детские сады, не относятся к реализации установленных государством

социальных гарантий в этих областях. Прямо в законе и написано. Там другие механизмы обеспечения социальных гарантий.

Теперь следующее. Вопрос о требованиях к отбору поставщиков. Здесь тоже есть разные примеры. В основном это проведение конкурса, но не всегда. В некоторых местах прямо указывается: «отбирается, исходя из того-то и того-то». Например, в образовании московском прямо прописано, что окончательное решение о привлечении НКО принимает руководитель соответствующего подразделения. Как мы будем здесь действовать?

И, наконец, последний вопрос, который бы я хотел обозначить. Это бюджетный инструмент, который мы будем использовать. Используется разный бюджетный инструмент — это субсидии, но это разные субсидии. Наша отрасль использует разные субсидии. В том числе и в сфере образования используется два вида субсидий. Я не буду на них останавливаться, потому что считаю, что они не годятся. Нам нужны гранты, моя точка зрения, хотя и не только моя. Как вы знаете, гранты у нас прописаны бюджетным кодексом. Я имел к этому отношение, поскольку я инициировал эти гранты в свое время, и МинФин пошел навстречу и вставил это в бюджетное законодательство, но не сразу.

Мне кажется, что нам в культуре необходимо в новом законе обязательно посвятить несколько строчек, может, статью, две, особенностям грантов в сфере культуры. Например, наши западные коллеги указывают, что очень важна долгосрочность грантов - не менее трех лет. Почему? Особенно в творческой работе. Гранты должны даваться под творческую программу, и она должна носить относительно долгосрочный характер. У нас три года, значит три года, можно на пять лет. Мы должны с вами обязательно подумать о том, чтобы использовать гранты.

Теперь вопрос какой. Нам очень важно в грантах, чтобы у нас была не экономическая конкуренция между нашими организациями, дворцами, а конкуренция творческая. Экономический критерий можно применить, очень ограниченно, на каком-то там десятом плане. Вот как раз меня чем и беспокоит закон о социальном заказе. Что там втаскиваются буквально экономические, ценовые критерии в оценку некоммерческих организаций, в оценку их деятельности, в оценку услуг, которые они оказывают. Вот это я считаю неправильно. О чем мы всегда заботились? Мы заботились о качестве. ...Нормативы, хорошие, плохие, но мы старались их наполнить деньгами и думать о качестве. Создавали, или пытались создать систему оценки качества работы учреждения, общегосударственной системы, в регионах. Все время мы старались это сделать. И вдруг как бы поворот культурной политики, социальной политики. Мы от качества переходим к экономике. Это, наверное, не совсем правильно. Коллеги, я хочу сказать, мне кажется, что в новом Законе о культуре к вопросу «подключения» НКО к оказанию услуг, культурной деятельности за счет бюджетных средств, с участием государства должно привлекаться большое внимание. Модели могут быть разные. Эта работа по привлечению НКО является одной из центральных, потому что меняется вся конфигурация системы предоставления услуг в сфере культуры. Спасибо.

17:37 Т. В. Абанкина: Спасибо большое, Борис Львович. Я тут хотела бы прежде всего остановиться на последнем тезисе, связанном с тем, что очень многие документы ориентируют на то, чтобы прежде всего были обеспечены условия для конкуренции по качеству. С этой точки зрения, конкуренция по форме собственности, то есть создание каких-то специальных преференций для государственных и муниципальных учреждений, то есть в зависимости от формы собственности, все-таки не обеспечивает необходимую

конкуренцию по качеству. Хотелось бы все-таки, наверное, попросить Екатерину Эдуардовну высказаться по поводу того, какие могли бы быть положения или принципы в законопроекте, в концепции, которые бы обеспечивали конкуренцию по качеству и не приводили бы к такой дискриминации по формам собственности. Что можно в Законе о культуре для этого сделать?

18:45 Е. Э. Чуковская: Я, честно говоря, не собиралась выступать, потому что на моей памяти эта концепция уже, наверное, десятая со времен, когда Николай Николаевич Руденко был председателем Комитета по культуре. И, соответственно, в некоторых случаях при разработке проектов изменений в основу законодательства о культуре, или даже написания нового закона, я принимала участие лично и все, что я хотела сказать, я в этих проектах рассказала. Последний с Александром Яковлевичем и Борисом Львовичем разрабатывали под Год Культуры. Потому что каждый раз всполохи у нас связаны с «годами». Поэтому, собственно, идею, которую мы закладывали, хотя Борис Львович скептически относится к вопросу о кодексах и так далее, но как раз мы выбирали такую форму, универсальную, чтобы описать правовое положение абсолютно всех субъектов культурной деятельности вне зависимости ни от формы собственности, ни от организационно-правовой формы, ни от направленности деятельности, если она обеспечивает некоторую задачу, поставленную государством. Поэтому мы видели то, что мы выразили в проекте Закона, который сейчас находится в помойке. Что касается представленной концепции, во-первых, это и не концепция вовсе, потому что я как юрист больше внимания уделяю форме, чем содержанию, это не концепция, а некий цитатник. Никого регулирования отсюда не следует. И главное, я даже не знаю, за что можно зацепиться, хотя я знаю, у многих позитивные на концепцию отзывы, это очень уважаемые люди, но в целом, на мой взгляд, это не точка роста для какого-то закона. В любом случае следует отойти от политической риторики и попытаться сформировать некий перечень необходимых норм для того, чтобы обеспечить функционирование отрасли: это не вектор, куда следует двигаться, не приоритеты. Вот этот Закон о культуре должен обеспечить просто функционирование отрасли.

Если вспоминать то, что мы последнее фантазировали, то теперь мы пытаемся разграничить историю с обязательствами учредителя, это же еще некие отношения с учредителем, которые, создавая организацию, берет на себя обязательства по ее содержанию. И это содержание, имеется в виду не содержание того, что она делает, а содержание банально здания, персонала и так далее. И вот мне кажется, что нам тогда удалось эти вещи разделить, то есть сохранить государственный сектор как набор институций, обеспечивающих в соответствии с госзаданием и с другими условиями некий уровень того, что государство может предложить и может гарантировать. А дальше некие фантазии о том, как можно действовать вне обязательств учредителя этой сферы. И тогда мы выявили, по-моему, 18 сравнительно государственных форм финансирования культуры включая бюджет, но не ограничиваясь им.

Но говорить сейчас о том, что надо взять кусочек из нашего проекта и внедрить в этот, мне кажется, было бы самонадеянно. Все материалы были предоставлены в распоряжение тем людям, которые сверстали этот текст. И мое предложение было самое банальное — вот сейчас взяв материалы, их много, и они многие уже имеют форму проекта закона, взять совершенно незаинтересованного, но увлеченного человека, который владеет юридической техникой, то есть если он скажет «А», то он может понять, где нужно сказать

«Б», чтобы ничего не провисло и наоборот не противоречило друг другу, но мои рекомендации, к сожалению, разработчики этого текста не учли. Поэтому сейчас я не знаю, насколько могут быть ценны мои слова или советы. Опять-таки, все, что можно было придумать... у меня не осталось ни фантазии, ни синонимов для того, чтобы каким-то образом на это отреагировать. Все, что мы с Александром Яковлевичем хотели, я сказала. Простите за такой пессимизм.

23:42 Т. В. Абанкина: А на сколько, собственно, важно, чтобы это было зафиксировано в некоторых принципах, которые все-таки находят отражение в Законе, я бы сказала в такой его части и в конкретных нормах? Потому что, наверное, часть конкретных норм может быть отсылочная к другому законодательству, прежде всего. А вот что именно в Законе о культуре важно зафиксировать?

24:08 Е. Э. Чуковская: Мы старались не идти таким путем потому, что как раз нам казалось, что у нас есть возможность, это со времен римского права действует принцип, что специальный закон отменяет общий. И если бы мы прописали, а мы это сделали, более конкретные, более четкие правила по сравнению с тем, что нам предоставляет возможность гражданский кодекс, закон о некоммерческих организациях, 44 ФЗ приснопамятный, там бюджетный кодекс и так далее. То есть мы набрали этой специфики, которая позволяет создать в каких-то определенных сферах, потому что есть много общего в деятельности разных учреждений культуры, и есть очень много особенностей в деятельности этих же учреждений культуры. Под одну гребенку стричь библиотеку и музей, в какой-то части можно, в какой-то части — нельзя. И соответственно, мне казалось, что мы создали вот такую... Она всех пугала... Наш проект, что было очевидно, его недостаток, что как только человек видел эту стопку бумаги, он сразу начинал скучать, еще не открывая. Поэтому мы делали оглавление, мы делали путеводители, таблицы, поисковики, схемы, чтобы показать, что, во-первых, ничего не потеряно, а наоборот только приобретено. Но вот, к сожалению, получилось так. Но в любом случае, были разработаны некоторые предложения по регулированию, которые можно было бы именно не оглядываясь на более серьезные, более сложные, более высоко расположенные в иерархии законы можно было бы такие вещи на сегодняшний момент... К сожалению, остается только вспоминать эти прекрасные времена и сожалеть об использованных канцтоварах.

26:06 Т. В. Абанкина: Выглядит это, конечно, отчасти пессимистично, но вместе с тем, мне кажется, все-таки очень важно, что такая работа есть и не знаю, что может стать действительно точкой роста или не роста, но, мне кажется, когда есть определенная база, то, в любом случае, это может стать, по крайней мере, очень важными экспертными материалами, от которых можно отталкиваться. К сожалению, мне тоже следов этого в Концепции не очень видно. Но мне кажется, очень важно, если даже принимают стратегию, что Закон о культуре будет аналогом Основ законодательства и останутся отраслевые законы, то ведь очень важно, чтобы были некоторые сквозные нормы, которые, будучи зафиксированы в Законе о культуре, тем не менее проникали бы в законодательство о том же самом музейном фонде, о библиотеках и так далее. Чтобы все-таки это составляло целостную картину. И конечно, я понимаю, да, действительно, есть, как Вы сказали, страх — вот этот общий Закон, этот первый акт можно по-разному называть. Но работая над ним, некоторая такая целостность продумывалась. И если пошли по другому пути, все равно вот

этот принцип сохранения целостности и соответствия друг другу во всей сфере культуры... Хотя, мы понимаем, она очень разнообразна, ее трудно назвать отраслью, скорее это только сфера. Чтобы это было соблюдено, поэтому я собственно и спрашивала каким образом закрепить эти позиции в Концепции Закона именно о культуре так, чтобы обеспечить проникновение, я уж не говорю про общее законодательство, там бюджетное, гражданское...

28:09 Е. Э. Чуковская: Если я верно понимаю разработчиков и то лицо, которое дало поручение разработать эту Концепцию, конечно, этот Закон о культуре должен заменить Основы. Они параллельно существовать не могут. Очевидно. Там просто предмет правового регулирования другой. Соответственно, Вы предлагаете не вносить изменения в действующие, старенькие уже, ветхие, а просто принять на этом месте новый? Соответственно, все, что есть в Основах рационального, правильного и утраченного, между прочим, потому что развитие Основ законодательства о культуре — это история потерь. Каждый новый закон: о разграничении полномочий, бюджетный кодекс... — они только откусывали. Если посмотреть приобретения, то это очень сомнительный ежегодный доклад о состоянии культуры. К чему это - совершенно не ясно. В общем, приобретения сомнительны, потери очевидны. В принципе, если кто-то ищет что-то на место Основ законодательства, то, во-первых, нужно, наверное, воспринять глубже хотя бы структуру, или предложить какую-то новую. Вот мы предложили, у нас не получилось. Во-вторых, он должен в каких-то вещах безусловно дублировать, потому что есть нормы Основ законодательства о культуре, которые действуют до сих пор, и они очень полезны. Их, главное, не потерять. Главное, что он не должен дублировать — это Основы государственной культурной политики. Пока, судя по этой Концепции, — это идеология, развернутая, углубленная, еще и перекошенная каким-то странным образом. Поэтому если речь идет о регулировании, но регулировании таком лаконичном, то тогда можно было бы просто взять Основы, посмотреть, что устарело, что утрачено, подновить, назвать иначе. Потому что внесение изменений было, по-моему, 22 раза... Я просто уже не знаю к кому с этим делом обращаться.

30:32 Т. В. Абанкина: Вот Виталий Анатольевич тоже неоднократно говорил о том, что если уже все-таки приняты Основы государственной культурной политики, то Закон каким-то образом должен развивать их, или хотя бы не противоречить. Но почему-то этого не получается...

30:47 Е. Э. Чуковская: Ровно наоборот. Одна - политическая, другая должна обеспечить просто функционирование отрасли. Поймите, политики нам говорят, куда там двигаться следует, приоритеты какие-то определенные, на что следует обратить внимание, чем можно пока пренебречь. Закон о культуре — задача совершенно другая: мы должны дать возможность этой отрасли развиваться в определенном контексте других законов. Главное, от чего наша была основная идея, может быть, не совсем такое можно произносить вслух, чтобы не зависела ни от какого произвола, чтобы не зависело от того, кто в данный момент принимает решения о выделении бюджетных средств, о еще каких-то важных для организации вещах, чтобы это работало автоматически, чтобы никто не мог навредить.

А. Я. Рубинштейн: Мы считаем, что сначала должен быть Закон, а потом Основы, а не наоборот. С нами он не согласился, наш закон застрял, они выпустили Основы. А теперь...

32:06 Е. Э. Чуковская: Нет, не лишнее ни то, ни другое. Это совершенно разные вещи. Одно не должно дублировать другое. С точки зрения юридической это очевидно должно выражаться один раз.

Т. В. Абанкина: Уже случилось так, как случилось.

32:23 В. А. Куренной: Коллеги, в связи с этими очень важными замечаниями, очевидно, что это такой же парадокс, как с Ежегодным отчетом о состоянии культуры в России. Это отчет о состоянии государственной инфраструктуры учреждений культуры в России. То есть Основы государственной культурной политики, не оценивая этот документ, они имели в виду как бы понимать культуру более широко, чем культура ведомственная. Закон о культуре, безусловно, в значительной степени является отраслевым законом и в этом смысле это совершенно разные документы. Мне кажется, этот документ он не сильно вступает в противоречие с Основами, просто потому, что он в первую очередь говорит о государственном секторе учреждений культуры. Чтоб понимать здесь различия, достаточно обратить внимание, что в подчинении Департамента г. Москвы находится 82 театра, а Яндекс нам насчитывает 380.

33:33 А. Б. Голубковский: Яндекс просто глупо это делает...

В. А. Куренной: Не важно.

А. Б. Голубковский: Как не важно? Очень важно. Что за разговоры? 300 театров... 82 — это с учетом всего. С Галей считали просто по единичке каждый театр. Откуда 300?

Из зала: Может и студии тоже считали?

А. Б. Голубковский: Да и студии считали тоже.

34:05 В. А. Куренной: Я сделаю ремарку, что в связи с новыми трендами Росстата у нас Большие Данные являются ключевым ориентиром. Может быть, Яндекс глупый, но скорее ориентироваться на него.

34:26 Т. В. Абанкина: Уважаемые коллеги, Галина Михайловна Ксынкина, в отношении некоммерческих...

34:31 Г. М. Ксынкина: При подготовке к семинару в очередной раз кровью сердце обливалось, уже столько лет мы пытаемся что-то исследовать, что-то написать, что-то продвинуть в культуре, но одно не меняется — это наличие, то есть отсутствие статистических данных о частных организациях. Это, конечно, очень печально. Не поленилась, посмотрела нормативную базу. Есть закон, есть постановление Правительства — ничто не работает. Принятие нового закона — это, конечно, замечательно, но, может, нам бы меньшими шагами, потому что это крайне важно. Мне кажется... Может быть, я что-

то неправильно скажу, но кажется, что в других наших социальных отраслях этот вопрос как-то так или иначе решен. Конечно, это во многом связано с тем, что там есть государственная поддержка частных организаций. Это решаемо. Наши частники в большинстве своем отказываются давать данные, ссылаясь на то, что это трудозатраты, финансовые затраты. «Мы не будем этого делать. С какой стати мы это будем делать?» Нет элементарного механизма нормативно-правового, чтобы обеспечить наличие этих данных. Ведь вы назвали цифры вот такие. Посмотришь в интернет, только в Москве более 70 концертных и театральных агентств. «Арт партнер» — 21. Вам знакомо это название? Каждый месяц, они пишут у себя, 15-20 спектаклей. Сейчас не такие удачные месяцы, но может быть, бывают и удачные месяцы, и по 20 спектаклей бывает. Сегодня 2 спектакля. А что они ездят по России или за рубежом...? И что? И все это проходит мимо нас. Мы анализируем деятельность наших учреждений, обедняем все это, уменьшаем. Все это крайне печально. На мой взгляд, если бы нам кто-то поручил... досконально я сегодня не просмотрела нормативно-правовую базу и прорехи не нашла... но посмотреть опыт других отраслей социально культурной сферы в этом плане, потому что у них есть данные, и посмотреть базу регламентную в части культуры, которая сейчас существует, в частности Закон о статистике, постановления правительства и найти эти прорехи, и все-таки так или иначе решить этот вопрос. За рубеж можно посмотреть. Но я не настолько подготовилась, чтобы выдать рецепт, где и что нужно поменять.

37:39 Т. В. Абанкина: Спасибо большое. Я думаю, это очень важно.

В. А. Куренной: По этому поводу анекдот. В Росстате существует музей. Старейшая организация в стране... Но этот музей не учитывается Росстатом.

А. Б. Голубковский: По этому поводу есть еще очень забавная история, если можно ее назвать забавной. Это отчеты департамента музеев, Кононова, и министра Мединского, которые сказали, что за 10 лет у нас удвоилась посещаемость музеев. При этом приводятся конкретные цифры. Да, у нас действительно увеличилась посещаемость музеев. Но, конечно же, не вдвое. Поскольку исходная цифра дана исходя из посещаемости, связанной с индивидуальным или групповым посещением, а вот та цифра, которая в два раза больше, — с учетом еще всяких массовых мероприятий и так далее и так далее. На самом деле количество индивидуальных и групповых посетителей выросло не в два раза, а где-то на два миллиона.

Г. М. Ксынкина: Это за какой период?

А. Б. Голубковский: За 10 лет.

38:59 Г. М. Ксынкина: У нас есть свои расчеты, там действительно очень сильное увеличение. Скажу с опережением — на 69 процентов.

39:18 Т. В. Абанкина: Я все же хочу зафиксировать. Общий вывод говорит о том, что сегодня сколько-нибудь достоверной картины о масштабах, о структуре, о том, где эти организации сосредоточены, с точки зрения их присутствия в регионах России и так далее, конечно, нет. И более того, до сих пор многие являются таким скрытыми учреждениями,

потому заведомо этот музей не является самостоятельным юридическим лицом. Это структурное подразделение крупнейшего государственного учреждения, Росстат. И мы знаем, что многие университеты имеют музеи и довольно интересные и мощные, многие организации, и крупнейшие в том числе, такие музеи организуют. И вопрос о том, что, несмотря на то, что они не являются юридическими лицами и входят в структурные подразделения, но, бесспорно, не учитывая их и не включая их в анализ, в общую картину, мы все время работаем с искаженными представлениями об определенных тенденциях, в том числе характерных и для культурного поведения людей, и для тех приоритетов, и для той системы ценностей, которая фактически воспроизводится и музеефицируется в таких ведомственных музеях.

41:01 В. А. Куренной: Если можно, я выскажу по этому поводу суждение. Потому что действительно эта проблема очень старая, очень известная, и понятно, кто только ни ругает статистику. Есть исследователи, которые системно выражают недоверие к Росстату. Мне кажется, здесь не существует никакого законодательного, универсального решения, потому что речь идет о том, что в нормальном информационном обеспечении культурной политики задействуются несколько разных инструментов. Потому что государственная статистика — это просто один из инструментов, тогда как существует множество других. Регулярные опросы общественного мнения, независимые исследовательские центры, разного рода обсерватории и прочее, прочее. То есть в принципе здесь не существует универсального решения. Кстати говоря, наше даже самое дисциплинированное ведомство, военное, тоже не знает, сколько внутри него музеев. Даже Минкульт не может от него получить этих данных. А это все же крупнейший элемент российской истории.

42:35 А. Б. Голубковский: Мне кажется, что в этот документ заложены какие-то проблемы, которые очень трудно решаемы, поскольку какие-то разные типы мышления и разные картины мира сталкиваются в одном документе. И это очень затрудняет его анализ. Например, с институциональной точки зрения в нем есть перечень разных видов культурной деятельности, на которые вроде бы должно распространяться действие закона о культуре. И тут, видимо вдохновленные Основами государственной культурной политики, смотрят на культуру широко, намного шире, чем это было раньше. Туда же включается и архитектура, например. А ведь у разных этих видов деятельности совершенно разные институциональные устройства. Если говорить о театре, там, например, существуют государственные сети, а, например, в архитектуре ничего подобного нет. Там количество негосударственных учреждений, которые являются акторами архитектурной деятельности, в основном оказываются негосударственными, коммерческими. Иногда, довольно редко, некоммерческие структуры, собственно, они и осуществляют вот этот тип культурной деятельности, а государственные учреждения есть, но их мало. Вот здесь разные предложения. Борис Львович говорил, что хорошо бы, если бы финансирование некоммерческих организаций происходило на грантовой основе, и вообще, может быть, лучше перейти на какое-нибудь грантово-бюджетное финансирование. Или то, о чем говорила Татьяна Всеволодовна, каким образом институционально и законодательно обеспечить конкуренцию по качеству в этом виде нашей деятельности. Вот все эти предложения совершенно правильные, они каким-то образом упираются в общую институциональную обветшалость, архаичность институциональной среды, со всеми связями, соподчинениями и сетями, подчеркиваю, которые принято хранить как

зеницу ока, которые рассматриваются... В чем главная проблема? Вот это институциональное устройство культуры, которое сложилось в середине 50-х годов с созданием первого Министерства культуры, оно так до сих пор, в принципе, и существует, и ничего не произошло принципиально нового за исключением изъятия цензуры. Даже творческие союзы, которые были с понятными целями созданы еще Иосифом Виссарионовичем, они по-прежнему находятся на бюджетном финансировании, что является нонсенсом абсолютным для того, чтобы они какую-то свою институциональную роль играли во всех этих отношениях. Да, я помню, что Михаил Ефимович Швыдкой в начале 2000-х годов сказал, что мы прошли очень тяжелый путь и главное, что удалось за это время — это сохранить функцию. И весь вот этот вот монстр, который совершенно не приспособлен для наших замечательных предложений, он рассматривается как культурное наследие. В этом ужас ситуации, как мне кажется. Вот это наше наследие: русский репертуарный театр, или театральная сеть, библиотечная сеть, клубная сеть, вот это все, что удалось сохранить Михаилу Ефимовичу, вот это рассматривается как культурное наследие. Это катастрофа.

Я совершенно согласен с Александром Яковлевичем, который сказал о том, что сначала нужно было принять Закон о культуре, а уже потом Основы государственной культурной политики. Но действительно произошло так, как произошло, тем более, что одним из положений этого документа, находящимся вне правового поля, являлась необходимость принятия нового закона о культуре. Чего он начал приниматься? Потому что в Основых государственной культурной политики это сказано. Естественно, можно не ссылаться на этот документ, я буду сдерживать себя и не буду ничего политизировать. Я буду говорить чисто институционально. При этом в существующей практике единственный реальный операционный документ это не закон на сегодняшний день, а именно Основы государственной культурной политики. Потому что, например, учредитель может воспользоваться своим правом уволить без предупреждения руководителя учреждения культуры, ссылаясь не на какой-то закон, а на Основы государственной культурной политики и на некий перечень традиционных культурных ценностей, которые не обеспечивают передачу контроля из поколения в поколение, как говорится в Основых государственной культурной политики, не обеспечивают руководителей учреждений культуры. То есть Основы государственной культурной политики, говорю без всякой политизации, стали неким репрессивным инструментом, чисто институциональным. По этой логике, на мой взгляд, этот документ [концепция] носит чисто гибридный характер. В чем его гибридность? Его вся первая часть, которая является, как здесь было тонко отмечено, является некой компиляцией цитат из Основ государственной культурной политики, это попытка государства защитить от себя культуру, деятелей культуры и культурных институций. А вторая его часть, которая уже связана с тем, что такое учреждения культуры, и так далее и так далее, уже более конкретно законодательно, это часть, которая посвящена тому, как деятели культуры пытаются себя защитить от государства. Понятно, что совершенно невозможно соединить внутри одного документа... Я бы сказал, что это концепция культурно-гражданской войны, а не концепция закона о культуре. Я говорю это совершенно серьезно и тоже без всякой политизации. Надо сказать, что главный критик и единственный, по-моему, внятный критик концепции проекта, а именно Владимир Аристархов очень четко это заметил. Он так и сказал. Что очень много хорошего в этом документе, там очень много ссылок на Основы государственной культурной политики, но под дымовой завесой вот этих ссылок авторы Концепции

пытаются протащить ультралиберальную повестку. Что он имеет в виду? Он имеет в виду все то, что связано с невозможностью государственных органов управления в сфере культуры вмешиваться в содержание, увольнение, принятие на работу и т. д. Он устроил форменную истерику на заседании Комитета по культуре Госдумы. И он был совершенно прав, надо сказать. Действительно, что это такое? Только я бы эту повестку не назвал бы ультралиберальной, она как бы полностью соответствует Основам... Это как раз одна из тех утрат основ законодательства о культуре, где все это, пусть не так четко, но было прописано. И уж понятно, что тут не до некоммерческих организаций. Потому что вот эта вся часть, которая связана с учреждениями, она носит такой абсолютно лорнистский характер. Они говорят: «Ребята, мы должны себя оградить как-то законом от того, что нас увольняют без предупреждения, с отсылкой на Основы государственной культурной политики, которые есть в Концепции тоже». Мединский говорит, что он будет поливать все цветы кроме тех, которые нам не нравятся. А там написано в Концепции..., я всячески поддерживаю все то, что там написано: что не может финансирование, субсидирование зависеть от того, сего, пятого, десятого... Это не документ, это декларация прав деятелей культуры, это не закон абсолютно. Это концепция декларации прав.

Это забавно, дело в том, что на сайте Министерства Культуры висит эта Концепция проекта, и такое ощущение у человека не сведущего, что это Министерство сгенерировало. А рядом висит, прямо тут же, висит ссылка на критику Аристархова, там же, на сайте Министерства Культуры, где написано, что это все никуда не годится вообще.

52:35 В. А. Куренной: Так это должно называться тогда, как появились основы, потом основы основ государственной культурной политики... Значит, должна быть основа концепции закона о культуре.

52:48 А. Б. Голубковский: Да. Но это удивительный документ на самом деле, потому что в самом начале, если вы помните, там речь идет о том, что главная проблема этого кодекса заключается в том, что культура рассматривается как услуга. Это жуткая вещь. Ужаснее другое. Я все же хотел сказать про некоммерческие организации. Здесь сказано, написано, что на конкурсной основе. Так что, может быть, они как раз имели в виду то, о чем говорил Борис Львович? Я не знаю, конечно. Пожалуй, я на этом пока закончу.

53:55 Б. Л. Рудник: Коллеги, вы знаете, мы очень часто с вами ссылаемся на основы государственной культурной политики. Когда-то я их читал очень внимательно, могу вам сказать, что там каждый в чем-то найдет себя. Вот как бывает? Хочешь сослаться на что-то — пожалуйста, в этом месте ты можешь сослаться. Другой, совершенно с противоположными взглядами, — тоже найдет себя. Основы, это на самом деле, если кто-то помнит, как они разрабатывались, плод компромиссов всех со всеми. Вот, что я думаю. Спасибо.

54:36 В. А. Куренной: Да, совершенно верно. Спасибо за это замечание. Кстати говоря, я тоже продолжу Анатолия Борисовича. На самом деле, почему это был компромисс? Потому что как раз из недр Министерства Культуры вышли тогда другие Основы с одиозными заявлениями «Россия не Европа» и так далее. То, что теперь господин Аристархов ссылается на это...

55:03 А. Б. Голубковский: Он ссылается на новый текст, поскольку там остались не менее одиозные ссылки на «Российскую цивилизацию» и «традиционные культурные ценности». И на функцию главы культурной политики, которая должна эти ценности из поколения в поколение переносить. Вот это главное.

55:18 Т. В. Абанкина: Коллеги, не могу тогда здесь тоже не сказать. На самом деле тогда все-таки, я считаю, удалось, отмечу вам, это конец 2014 года, когда были приняты, разрабатывались они чуть раньше... Но все-таки тогда удалось выпустить компромиссный документ. Это очень важно. Сейчас, и мы вместе с Борисом Львовичем были на обсуждении в Общественной палате, это обсуждение носит характер просто открытой гражданской войны. Поэтому то, о чем говорит Анатолий Борисович, сегодня у нас нет консенсуса в обществе относительно приоритетов, относительно той или иной системы ценностей, и в этом смысле, конечно, документ отражает вот эту напряженность в отношении базовых ценностей. И это нельзя не видеть. Поэтому, как ни странно, в Общественной палате разговор до тех или иных конкретных механизмов обеспечения прав, защиты прав, или реализации обязанностей и т. д. в общем не дошел, потому что он весь уперся фактически в идеологическую основу, и сегодня не видно перспектив ее согласования. И в лице того же самого Аристархова пожигалось с одной стороны, все, что исходит из каких-то других источников, воспринимается как ультралиберальное, которое должно быть уничтожено, и с которым сосуществовать невозможно. У нас такое общество, мне кажется, это все-таки важно при обсуждении концепции закона о культуре.

57:03 Р. З. Хестанов: Я постараюсь быть кратким и начну с того, что закон беспрецедентный, нигде такого закона нет. Это, конечно, концепция, но с замахом на то, чтобы принять закон. Законодательство, выделяющее вот так вот культуру особым образом ни в какой национальной юрисдикции, насколько мне известно, не существует. Это первая вещь. И в этом смысле сам по себе замах, он амбициозный, он не должен быть холостым выстрелом. Здесь должно быть что-то экстраординарное противопоставлено. А на деле что мы видим? Здесь уже это отмечалось, и я это повторю. Мы видим, что регулируется, фактически, государственная отрасль. И в этом смысле мы культуру не узнаем. Это совсем не культура, которая живет в мегаполисе, это отсталый сектор в нашем национальном хозяйстве и экономике. И даже то, что говорил Борис Львович, предположим, даже если мы внесем сюда такие вещи как получение финансирования на основе грантов, то есть изменение грантового законодательства, регулирование грантов. Если мы внесем даже пункты об НКО и так далее... Это мало что изменит в том, что регулируется именно данная отрасль. И здесь ключевая вещь, что этот некоммерческий сектор, который, если брать досуговую деятельность, а здесь о досуге населения вообще речи не идет, он может быть сегодня даже больше, чем государственный сектор. И фактически, регулируя вот этот маленький сектор, мы не регулируем никак то, что коммерциализировано, то, что играет определяющую роль в том, какой образ жизни ведут люди, и так далее. В этом смысле это вообще не про культуру, совсем не про культуру. И что здесь главное? И ведь это действительно такая священная корова, которую мы боимся затронуть. Какое законодательство регулирует циркуляцию вот этих самых культурных ценностей? Я имею в виду циркуляцию в виде товара. Это, конечно, законодательство о правах на интеллектуальную собственность. Вот здесь об этом совсем не идет речи.

1:00:07 Е. Э. Чуковская: Только гражданский кодекс с 2008 года регулирует этот вопрос. Никакие другие законы это не могут регулировать.

1:00:15 Р. З. Хестанов: Да, да. Вот я об этом и говорю. И здесь этого нет. Но с точки зрения доступности тех или иных культурных ценностей, может быть, действительно, стоит поднять вопрос об интеллектуальных правах. Я понимаю, что здесь мы ограничены в том числе и международным законодательством.

Но есть целый ряд артефактов, произведений искусства, активностей, которые делаются у нас, и где можно было бы действительно предложить какую-либо амбициозную законодательную инициативу с точки зрения каких-то предпочтений в области интеллектуальных прав на рынке культуры. Здесь может быть много разных подходов. Но мне кажется, если не регулировать этот коммерческий сектор... Ведь всегда, когда речь идет о культурных индустриях, всегда и все исследователи возвращаются к этим правам собственности интеллектуалов. Здесь действительно этот амбициозный замах мог бы располагаться именно в этой области. Я опущу какие-то другие вещи. Конечно, это затруднено. Даже если мы замахнемся на этот copyright, это затруднено с точки зрения того, как здесь в этой Концепции ставится вопрос о культуре. Миссия культуры, «не сводимая ни к рыночным механизмам, ни к сфере потребления, ни к государственным услугам». А тогда что регулировать? Если это так апофатически определяется. Собственно, и регулировать тогда нечего. Мне кажется, надо как раз взяться за регулирование каких-то рыночных механизмов в этой области. Спасибо.

1:02:23 Е. Э. Чуковская: Можно я маленькую справку добавлю? Только в связи с тем, что сегодня светлый праздник — день книги и авторского права, иначе бы я промолчала. Значит, вопросы интеллектуальной собственности могут регулироваться с первого января 2008 года только гражданским кодексом. И это счастье, потому что иначе бы у нас была полная чересполосица. Потому что народное обязательство устанавливает для нас определенные предпочтения: мы должны иностранных авторов охранять как своих, но не лучше, чем в стране происхождения произведения. Поэтому все нормы, которые принимаются, или совершенствуются в этой области, они нацелены в первую очередь на своих. А уже во вторую на всех остальных. Поэтому тут никаких противоречий я не вижу. Еще раз говорю, Концепцию как концепцию я не воспринимаю, но даже в действующем законодательстве есть очень небольшое количество точек, которые проблемны с точки зрения интересов культуры и интересов интеллектуальных прав. Первая и главная 36 статья Закона о Музеях и музейном фонде, где помимо действительно авторских прав на произведения, которые там находятся (отчасти срочные, отчасти бессрочные), есть право первой публикации в музее. Музей владелец, или хранитель, или в другой форме содержит у себя коллекцию, у него есть это право первой публикации. Было несколько конфликтов... Пока нельзя точно сказать, какому комплексу норм отдается предпочтение, потому что в судах 1:1, когда это позиция авторства, когда музея. Вторая проблема, которая у нас существует и будет только усугубляться, это в связи с НЭБом и вообще всякими электронными способами передачи информации, в которую защиты охраняемые объекты. Значит, есть специальные изъятия и в законе о библиотечном деле, и в гражданском кодексе о том, какие учреждения и подразделения, имеющие этот статус, могут помимо интересов автора создавать копии, распространять в электронном виде. Сейчас баланс интересов немного сместился в связи с тем, что закон об обязательном экземпляре документов плюс

и вот этот электронный экземпляр, это может перекосить ситуацию против авторского права. Во всем остальном, здесь нет ни одной нормы, как вы точно заметили, касающейся интеллектуальных прав, потому что есть отдельное законодательство. Оно развивается по своим законам. Если вы будете делать какие-то рекомендации с этого семинара, я вас очень прошу, все вопросы авторского права, если вы так считаете необходимым...

1:05:23 Р. З. Хестанов: Хорошо, а скажите, пожалуйста, каким образом можно регулировать негосударственный сектор вообще? Если этот закон не может, то и браться не стоит...

Е. Э. Чуковская: А как вы хотите его регулировать, во-первых? Во-вторых, есть же закон о некоммерческих организациях, учредителями которых могут быть частные лица, негосударственные организации и кто угодно еще, даже иностранные...

Р. З. Хестанов: То есть существует законодательство, которое регулирует какие-то другие вещи...

1:05:57 Е. Э. Чуковская: Если я хочу, чтобы организация была юридическим лицом, и действовала самостоятельно на рынке, вне рынка, все равно, я должна совершить предписанные законом действия. Оформить документы, зарегистрировать в разных местах разные организации в зависимости от формы, вот регулирование. Если я действую как физическое лицо, как организация, как индивидуальный предприниматель, обращаю какие-то ценности и получаю за это деньги, то у меня действует налоговый кодекс. Вот вам регулирование негосударственного сектора. Если я совершила нечто, что уголовным кодексом считается преступлением, то... Вот вам регулирование негосударственного сектора.

1:06:44 Г. В. Абанкина: Коллеги! Мы все же хотели обсудить проблемы, связанные с малыми городами, сельскими территориями и с положением интеллигенции... Поэтому вот эту дискуссию мы останавливаем. Предоставляем слово Александру Яковлевичу.

1:07:02 В. А. Куренной: Можно я перед выступлением Александра Яковлевича один вопрос задам? Тут действительно предлагается довольно существенная инновация выделить учреждения культуры в особую категорию. И произвести различие хозяйственной и творческой деятельности. У меня вопрос в связи с московским театральным экспериментом. Насколько он, так сказать, сейчас...

А. Я. Рубинштейн: Не надо, мы уже говорили... Я участвовал в начале подготовки этого эксперимента, потом стало по-другому... Там нет этого. И гранты там... Это отдельная история.

Вообще я не собирался приходить. Закон я посмотрел на сайте, подготовил на него заключение, потом получил письмо от Татьяны Всеволодовны. И тут у меня один вопрос родился, который не давал мне покоя. Я подумал, что здесь я наконец увижу, кто этот человек, или группа людей, которые это сочинили. Но я так понимаю, нет здесь их. Покажите этого человека. Мы даже не знаем, кто это. Никто не знает. Это что, аноним?

Мне есть что сказать, но я не буду говорить полностью. Значит, если сказать в целом, то мне кажется, этот документ, концепцию, нужно рассматривать с двух сторон. Во первых, безусловно чувствуется желание у разработчиков делать все возможное для улучшения условий культурной деятельности, сохранения свободы творчества во всех его формах, и создания защитных правовых механизмов от неоправданного вмешательства органов исполнительной власти всех уровней в творческую и хозяйственную деятельность организаций культуры.

И еще один позитивный момент, больше я не нашел в этом документе. Он связан с тем, что здесь впервые говорится о том, что все-таки надо снять преграду между федеральным уровнем, местным, региональным и разрешить...

1:09:11 Это большое достижение авторов этой концепции. С другой стороны, предложенная концепция является недостаточно, мягко скажем, разработанной с точки зрения юридических, экономических и культурологических аспектов реализации этого прекрасного закона.

Теперь замечания по отдельным разделам. Мне кажется, с самого начала, не очень правильно выбрано название закона. Более точно его было бы назвать «Закон о культуре и культурной деятельности». Потому что без слов «культурная деятельность» он выглядит неоднозначным, и самое главное, появляется соблазн регулировать «культуру этноса», «культуру народа», «культуру страны» с очень большой примесью идеологии. Сошлюсь на Основы гос. политики, которые исключают такой момент. Это мне кажется очень важным. Не думаю, что уместно определение культуры, которое дается в самом начале и начинается со слов «если». Это очень узкая и преимущественно неверная дефиниция. И, как гласит один из законов логики, «из неверного следует все, что угодно». Только так и можно относиться к предложенному в концепции пониманию цели и предмета регулирования. «Законодательство о культуре должно строиться на понимании этой особой миссии культуры, не сводимой ни к рыночным механизмам, ни к сфере потребления, ни к государственным услугам». Все в одну кучу попало. Значит, мы откажемся от потребления, наплевать нам на культурные потребности... А куда мы денем культуру? Где она будет? Вот человек покупает билет в театр или в музей. Это что он делает? Это все выглядит очень странно, если не сказать больше.

Положение об особом разделе законодательства. Это абсолютно юридически беспомощная норма: выделение культуры за рамки правового регулирования, применяемых для отраслей социальной сферы, создание специальных правовых механизмов для реализации культурной политики. Куда же намерена данная концепция вывести культуру? Скажем «вывести», но куда — не скажем. Но больше всего меня, конечно, как экономиста, здесь сказано в документе... Что такое культурное благо? Обычно под благом понимается либо товар, либо услуга. Третьего не дано. Учитывая, что услуги организаций культуры преданы анафеме в этом документе, то следует ли думать, что Концепция предлагает рассматривать в культуре только товары? Ни о чем другом речи не идет. Тогда что же такое общественное культурное благо? Есть ли частное культурное благо, мериторное культурное благо и т. п.? Но я не верю, что этот раздел в таком объеме может быть создан в концепции, причем далеко не всегда в правильной интерпретации существующего положения дел. Я не буду подробно говорить, но то, что там написано по поводу 210 закона [N210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»], который якобы говорит о том, что все организации культуры становятся организациями, которые производят государственную услугу, там написано ровно наоборот. И если такое

происходит, это только потому, что существуют подзаконные акты, которые трактуют немного по-другому.

Довольно странным и просто безграмотным, на мой взгляд, выглядит еще один аргумент Концепции против категории культурных услуг. Я уже 40 лет преподаю студентам, но такое я впервые встречаю. «Культура может рассматриваться как «услуга» только в том смысле, в каком услугой всему обществу является армия, правоохранительные органы и правительство как институт». И так, армия является услугой. Ну, что это такое? Был хотя бы редактор какой-нибудь у этого текста? Кажется, нет. Но можно представить, что есть организации, которые оказывают эти услуги? И, наверное, эти услуги могут оказываться и юридическим, и физическим лицам.

В этом же разделе присутствует ничем не обоснованное утверждение, базирующееся на неправильно понятой категории «услуг». «Подход к культуре как сфере «услуг» привел к существенной деформации понимания органами государственной власти и местного самоуправления природы бюджетных субсидий и грантов, выделяемых лицам, не являющимся бюджетными и автономными учреждениями».

Я хотел бы также знать, что Концепция понимает под «сферой услуг»? И каким должен быть подход к культуре, которую они пропагандируют? Неужели, как к сфере, где производится только культурный товар? «Закон... определяет правовой статус объектов культурной деятельности и институтов, в том числе учреждений культуры и иных юридических лиц, осуществляющих деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ». И так, автор концепции предполагает, что отдельно создаются ценности и отдельно культурные блага. Посмотрите в любом словаре, ценности это и есть характеристика...

В. А. Куренной: Нет, это не с точки зрения теории ценностей неокантианства.

А. Я. Рубинштейн: А это не об экономических ценностях идет речь. Не об экономических. Я говорю о ценностях, что называется духовной ценностью, культурной. Сама по себе она не создается. Это есть характеристика создаваемого блага. Картина, спектакль, музыкальное произведение и так далее — отдельно их нельзя рассматривать.

С точки зрения культурологии и экономики это смысла не имеет. Ибо ценность — это лишь характеристика предмета, явления, обозначающая признание его значимости, и так далее, то что я сказал.

Описание предлагаемых изменений. Это фактически заключительный раздел. Концепция изобилует неопределенными и даже некорректными формулировками, допустимыми лишь в беллетристике, приведу примеры, уши вянут, простите: «особый цивилизационный код нации» и это в нормативном документе. Дальше, «самоценность целей культурного развития» — это кто же так мог сказать? «Опережающее культурное развитие общества» — что опережающее? Кого оно опережает?

Т. В. Абанкина: Оно общество опережает.

1:16:00 А. Я. Рубинштейн: А самый шедевр — это, видимо, в меру понимания, — «пользование организациями культуры». Подумайте над этим словосочетанием. «Соответствие экономических, технологических и структурных решений, принимаемых на

государственном уровне, целям и задачам государственной культурной политики». Все остальное не важно — ни оборона, ни технологическое развитие и т. д. Ну, и услугой всего общества является армия.

Какую же экономическую философию, это очень важный момент, проповедует Концепция: финансирование культуры? Это один из самых центральных вопросов той проблемы, которая всех волнует. Там противоречия есть: с одной стороны это «инвестиции в человека» в качестве обновления личности, а с другой стороны, это «государственная поддержка культуры». Это, между прочим, два совершенно разных понятия. В одном случае государство выступает в качестве инвестора, а в другом случае, как меценат и благотворитель. Это не соединимо. На мой взгляд, уже давно стало известно, по крайней мере с середины 70-х годов, после целого ряда концепций, что, конечно, это инвестиции в человеческий капитал. Не буду ссылаться на работы Беккера и других.

К сожалению, Концепция не отвечает по существу на один из самых важных вопросов культурной деятельности – финансового обеспечения учреждений культуры, учредителем которых являются государство и муниципальные

образования. Простите, но здесь просто безобразие то, что написано. «Закон дает исчерпывающий перечень форм государственной и государственно-общественной поддержки культуры (сметное финансирование, обязательные бюджетные субсидии, субсидии на конкурсной основе, гранты...». Я полагал, что гранты и есть на конкурсной основе, а субсидии на конкурсной(основе) я не понимаю, что это такое. Если речь о грантах, то надо так и говорить. Кроме общих деклараций, можно заметить один очень важный момент — остается открытым вопрос: как будут определяться вот эти обязательные субсидии? Там говорится об этом. Это супер вопрос. Можно сделать как Москва — Собянин лично их определяет (гранты). Можно сделать как-то по-другому. Может, Путин будет определять? Тоже не против, наверное. Значит, важно одно: если закон не установит принципы их определения, то очень квалифицированные чиновники Минфина сумеют «перековать» обязательства учредителей в обязанности организаций культуры выполнять придуманные Минфином нормативы. Только закон может изменить эту ситуацию.

Крайне сомнительным выглядит положение, отвечая на второй ваш вопрос, согласно которому бюджетные средства распределяются на содержание имущества, капитальное строительство, приобретение оборудования, текущую хозяйственную деятельность, с одной стороны, и вопросы, связанные с творческой деятельностью, с другой стороны. Мне кажется, что распределение бюджетных средств на две независимые части контрпродуктивно. За исключением, быть может, капитального строительства и частично содержания имущества, сделать это без нанесения вреда творческой деятельности, для которой всегда характерна неопределенность, никак невозможно.

Представляется, что одно из центральных положений концепции будущего Закона, связанное с введением персонально для культуры новой организационно-правовой формы, нереально и контрпродуктивно. «Закон вводит в российское законодательство особую форму учреждений – «учреждение культуры». Я за 3 года последних много раз обсуждал этот вопрос, выступая против. Слышу такой аргумент, что если будет политическая воля, то этот Закон, предусматривающий специальную организационно-правовую форму, будет принят. Замечу, политическая воля не означает правовой произвол. Не надо их путать.

Абсолютно неприемлемым представляется мне положение Концепции, согласно которому основная деятельность учреждений культуры делится на две части: творческую (профессиональную) и общехозяйственную, но, важно, вторая часть, которая просто

убивает, «на основании согласованной сметы». Опять смета — квинтэссенция вмешательства государства. Спрашивается, стоило ли городить огород и устраивать «прекраснословные беседы у костра», как писал Томас Манн. Уверен, с этим положением культурное сообщество никогда не согласится. Спасибо.

1:20:58 Т. В. Абанкина: Спасибо большое, Александр Яковлевич. При этом хочу обратить ваше внимание, почему мы начали с обсуждения разных форм, потому что круг лиц, на которых распространяется действие Законопроекта, и в том числе имея в виду Ваше выступление, тут обозначен следующим образом: «действие проекта федерального закона распространяется на широкую группу лиц, непосредственно осуществляющих культурную деятельность». При этом, что относится к культурной деятельности вообще потом нигде не встречается...

А. Б. Голубковский: Нет, здесь написано. Большая часть того, что цитировал, во всяком случае до всякого рода бюджетных рассуждений Александр Яковлевич, это, конечно, цитаты из Основ государственной культурной политики и из Конституции тоже. Кстати, армия здесь рассматривалась как создатель общественного блага в сознании законодателей.

А. Я. Рубинштейн: Я так понял формулировку, если армия создает услуги или общественные блага, но то что сама армия является услугой? Ведь там же это написано.

А. Б. Голубковский: Да, там это написано. Еще там написано, что этот Закон, согласно Концепции, должен установить особенности осуществления отдельных видов культурной деятельности, к которым относятся: литературное творчество, с одной институциональной системой, архитектура с другой, привычные нам музыка, театр и т. п. , но самое потрясающее, я считаю, это уровень, уже отмеченный Александром Яковлевичем, невежества... Я вообще считаю, что этот документ — гуманитарная катастрофа. Потому что в Законе предлагается «выделить в отдельный вид (подвид) культурной деятельности так называемое современное или актуальное искусство, к которому разделение на жанры в полном смысле неприменимо». Допускать близко к написанию Концепции чего бы то ни было тех людей, которые являются авторами этого.

Из зала: Кто?

А. Б. Голубковский: Я могу сказать, что здесь проявилось, какой ужас мозаичного сознания этих людей проявился. С одной стороны, мозаичного, с другой стороны, корпоративного, я бы сказал, сознания. Когда соединяется абсолютно патерналистский подход государства с корпоративной попыткой отстоять корпоративные интересы, мы получаем то, что получаем. Владимир Ильич Толстой, который очень хорошо знает, как трудно живется музеям, как сейчас начали создавать комиссии, которые должны из органов государственного управления учреждений культуры корректировать экспозиции музейные, в состав которых входят офицеры ФСБ... В Орловской области у меня есть достоверная информация. И это все исходит от Министерства культуры, которое, кстати, не имеет никаких полномочий на территориях, в муниципалитетах, в регионах. Владимир Ильич Толстой сказал, что государство-меценат и государство-инвестор, каким нам пытаются его выставить экономисты, эксперты, социологи, культурологи, мы хотим в Совете по

культуре, от которого исходит этот документ, предложить концепцию государства-родителя. Не хотите такую концепцию? Это концепция того человека (Толстого), который... А что такое государство-родитель? «Пусть строгие требователи, не поощряющие баловство и тем более хулиганство, но справедливые, понимающие и любящие». Это речь Владимира Ильича Толстого на заседании Совета по культуре. При таком отношении к культуре..., дальше про функцию культуры: культура способна быстро вырасти в крепкую могучую опору своему государству, стать самой надежной скрепляющей и т. п. То есть основная функция культуры — быть опорой государства. Этим проникнута первая часть, с позволения сказать, документа. А вторая часть, вот этот гиперпатернализм при сохранении всех существующих институциональных структур. Что абсолютно невозможно. При этом абсолютно непонятно, на кого распространяется этот Закон. На современное актуальное искусство отдельно будет распространяться, видимо?

1:26:34 Т. В. Абанкина: Коллеги, у нас есть еще вопросы, которые мы хотели обсудить. При всем том, совершенно справедливо говорят многие про корпоративные интересы, но во многом это корпоративные интересы, конечно, крупнейших столичных организаций культуры. И как очень значимые, не побоюсь этого слова, для отечественной культуры и сельская интеллигенция, которую составляют работники культуры, и обеспечение доступности, и участие в культурной жизни, и пользование такими благами для жителей малых городов, для жителей сельских территорий. Эта социальная задача культурной политики, этот общественный фокус такой политики мне кажется чрезвычайно важным. Поэтому наряду с совершенно справедливыми замечаниями в отношении корпоративных интересов и всей этой противоречивости, бесспорно отражающих идущие процессы противостояния в нашем обществе, мне хотелось бы с тем сообществом экспертов обсудить вопросы, связанные с тем, что, на мой взгляд, даже как заявление хотя бы в документах так или иначе они размещены, но найти определенное отражение хотя бы как позиции. Я оперирую к Борису Львовичу, который говорит: вот Основы культурной политики «кто-то посмотрит — себя найдет». Вы знаете, многие так работают с документами. Я правда считаю, что наша сельская интеллигенция или люди, проживающие в сельской местности, в малых городах, должны найти себя в Законе, который или будет или не будет, тут по настроению уже даже не очевидно, что хорошо будет, если он (Закон) будет. Судьба его может ждать разная, но внести эти важнейшие темы все-таки даже сегодня и в обсуждениях вопросов о культуре, о культурной деятельности мне кажется важно. И мне очень хочется, чтобы Фонд Тимченко, который много работает с сельскими территориями, и Ольга Викторовна Карпова, декан факультета культуры ВШСЭН, которая много сотрудничает с этим фондом, высказали позицию, как им сегодня видится, тем более, что Фонд работает не только с государственными, а скорее с задачами развития территорий. Как вам видятся сегодня важнейшие нормы, которые следует урегулировать в этом Законе в отношении и населения, с одной стороны, и работников культуры...? Мы обсуждали этот вопрос с Виталием Анатольевичем, понимаем, что это, конечно, сельская интеллигенция. Пожалуйста.

1:29:48 Е. В. Коновалова: Да, наша программа «Культурная мозаика малых городов и сёл», она рассчитана на то, чтобы через инициативу той самой сельской интеллигенции, о которой Вы говорили, поднять эту тему необходимости объединяться, особенно на локальных территориях вокруг культурных ценностей и культурных традиций. Потому что

это единственное, что людей, которые оказались в такой изолированной ситуации, я имею в виду изолированной то, что они предоставлены самим себе, государство не очень волнует, как они будут выживать, поэтому объединение людей вокруг культуры (культуры в широком смысле), мы порой говорим о культуре как не о культуре «высших достижений», а о культуре повседневности. Но понимая важность, мы видим, что наши усилия фактически направлены на то, чтобы каким-то образом понять и предъявить этот потенциал. Но, к сожалению, дальше все упирается в то, кто будет вводить все это в какие-то устойчивые ситуации. Когда Вы говорили про институционализацию, или мы говорим про это, на самом деле это очень сложный момент, потому что люди могут работать проектно на эти темы, но говорить об институционализации этих инициатив достаточно сложно. Когда мы говорим о сельской территории особенно, вы знаете эти нормы, когда сокращают Дома Культуры и все учреждения культуры, перерасчеты на километры удаленности и на количество жителей. Мне кажется, говорить о роли государства позитивно не очень и хочется. Хотя понятно, что это дело связано с бюджетом и, наверное, ищут какие-то оптимальные пути поддержки всего этого. На самом деле у нас больше вопросов, чем каких-то предложений. Мы накопили достаточно большую фактическую базу, но для того что, чтобы свести их к предложениям и нормам, требуется экспертная и исследовательская поддержка. Мы все-таки не являемся ни исследовательской организацией, ни академической. Но то, что там ворох проблем, которые требуют упорядочения, систематизации и на базе этой работы — точных и емких формулировок. Но я от лица фонда могу только призвать к сотрудничеству таких организаций наших как практиков и ваших как организаций как исследователей, в хорошем смысле слова, упаковывающих в емкие и точные формулировки.

1:33:41 Т. В. Абанкина: Спасибо большое.

1:33:44 О. В. Карпова: Я бы, может, если продолжала бы, то сказала бы некоторую общую фразу. Когда мы говорим о том, надо понимать, что есть государственный сектор, а есть негосударственный сектор, и он на самом деле сегодня активно растет. Он не виден, и я иногда даже думаю, может быть, слава богу. Мы в последние годы активно начинаем про него говорить и очень хотим, чтобы он стал заметен. И в последнее время я вдруг поняла, что, может быть, не надо к этому стремиться, потому что, как только он становится заметен, государство приходит со своими этими регулируемыми нормами, выхолащивая все. Я даже, может быть, чуть позже, поясню на примере. Если говорить о том, где сегодня у нас основная зона, где развивается этот некоммерческий сектор культуры. То как это ни странно, для меня, это малые территории и малые города, потому что там нет крупных федеральных учреждений, а на самом деле муниципальный уровень — это уже не государственный уровень, фактически. То есть если говорить о малых территориях, то там превалирует негосударственный, некоммерческий сектор культуры. И что мы видим сегодня? Мы видим, что начинает прорастать инициатива, очень сильное есть различие в регионах. И еще есть одна из основных проблем, которая кажется наиболее важной, она связана с равенством доступа, но равенством по качеству. Основная проблема, с которой мы сталкиваемся, это что мы не можем все это обеспечить людям, которые живут в этих малых территориях, одинаково качественные культурные продукты и услуги по сравнению с крупными городами.

Им по-прежнему сегодня, и даже в рамках грантовой поддержки, которая

сегодня распространяется через президентский фонд, по-прежнему, простите, впахивается фольклор и вся эта архаика, которую мы воспроизводим лет 30. Это одна сторона. С другой стороны. Только что вернулась из Ярославской области, которая настолько уникальным является регионом, по которому, например, сегодня, только официально проехали люди и увидели, что есть экспозиция, они что-то с этим делают... Более 70 частных музеев. А по неофициальной статистике их больше. Понятно, что если рассматривать, кто из них является реальным музеем и мы очень сильно проведем отсев... Но это просто тенденция. Очень интересно посмотреть, что происходит, какие дефициты люди сами закрывают сегодня, понимая, что ни государство, никто больше к ним не придет и эту потребность не удовлетворит. Разговаривая с этими людьми, мы задавали им вопрос «Какая вам нужна поддержка? Какие у вас базовые проблемы?» С одной стороны, они все говорят о том, что нужны изменения в законодательстве в налоговой базе, они хотят налоговых льгот, как организациям, которые занимаются культурной и социально значимой деятельностью. Они хотят некоторой регламентации тех взаимоотношений имущественных и правовых, которые связаны с сохранением наследия, если они, например, располагаются в каком-то объекте наследия, потому что это остается вообще вне всякой правовой зоны. Но с другой стороны, мне очень понравилось, как бы обратная фраза, когда они сказали о том, что «а мы боимся, что если сейчас придет на самом деле сюда законодательство и более или менее какие-то внятные нормы законодательные, то нас всех унифицируют под одну гребенку и мы утратим ту уникальность, ради которой мы все создавались». И это для меня были очень важные слова, потому что я действительно вижу, что происходит сегодня в практике. Национальный проект «Культура» пресловутый, 80% средств, даже больше, идет на восстановление опять же той самой сети, которая создавалась в безвестные нам годы, об этом много сегодня говорили. Что происходит? Они обратили внимание на малые территории? Они появились там после третьей итерации, после третьей редакции. Каким образом они там появились? Они появились там в виде, извините, автоклубов, которые приезжают из более центральных мест. Что они будут привозить? Мы сразу все понимаем. Это будут опять эти самые народные пляски, танцы и так далее, это будет опять идеология... То есть, может быть, и хорошо, чтобы государство не видело, не слышало и не вмешивалось. Потому что мы снова сейчас будем отброшены назад этими...

Еще один момент, который мы в ходе исследования тоже очень хорошо заметили. Это то, о чем говорят региональные власти: приходит федеральный проект, все эти «Моя родина — Россия» и так далее, они забирают самые лучшие здания в центре города, которые планировались, например, под размещение какого-то нужного музея или культурного центра в регионе. В Перми, например, у музея современного искусства ПЕРММ, теперь там «Моя родина — Россия». Прекрасно. Это же все на принципах софинансирования, то есть реально последние региональные деньги оттягиваются на то, чтобы реализовывать государственную культурную политику и опять вообще никто не понимает, а что реально нужно в этом конкретном селе, в этом конкретном населенном пункте. Какие культурные потребности существуют, и вообще что хочется людям? Опять никакого равенства, доступа именно к ценностям высокого уровня культуры. Я понимаю, что скорее ставлю проблемы, но это то, что мы не видим ни в одном из этих документов. И на самом деле есть еще один момент, который меня поразил, связанный с тем, что мы пытаемся соединить несоединимое. Мы говорим о том, что мы должны обеспечивать инвестиции в человека и это происходит действительно через равенство доступа к культурным услугам, нужна высокая конкуренция, но при этом, когда мы говорим о грантах, я не знаю, было это

заметно или нет, но это как-то очень между строк о том, что мы готовы делегировать распределение финансовой поддержки профессиональным разным организациям через творческие союзы.

Это там как-то так очень аккуратненько было сказано, вместо механизмов вытянутой руки, когда все-таки мы обеспечиваем некоторую независимую экспертизу и это обеспечивает единственный пока сегодня в мире опробованный механизм, который обеспечивает конкуренцию по качеству. Мы говорим, что отдадим это профсоюзам, которые будут распределять... Профессиональным сообществам, которые будут распределять мы сами знаем кому.

1:41:10 А. Б. Голубковский: Это понятно, потому что это ставит под угрозу вообще существование Министерства культуры, то есть той институциональной среды, о которой я говорил. Это все несовместимо.

1:41:21 В. А. Куренной: Мне кажется, да, роль творческих союзов, безусловно, еще более консервативна. И Аристархов покажется еще светлым либералом.

Е. Э. Чуковская: Можно я еще буквально два слова скажу? Тот проект, о котором я сегодня уже несколько раз вспоминала. Мы пытались в нем восстановить ту систему поддержки, которая была заложена в 1992 году в Основах законодательства о культуре. Там речь не шла о финансировании проектов, а о создании условий для молодых специалистов, которые едут в сельскую местность или малые города. Мне кажется, этот собес, который там обеспечивался, это хороший опыт и делом федерации было поддерживать те регионы, которые не могут сами обеспечить. Второе — это то, что мы тоже сделали, это было отдельным разделом, это суррогат равного доступа, это разные информационные системы, создание виртуальных концертных залов и т. д. Это был интересный опыт. Александр Яковлевич ругался и говорил, что это консервы, но какие есть, в конце концов. И третье, но, наверное, с этого надо было начать. Первое, что мы сделали, когда планировали приступить к работе над этим проектом, мы вышелушили все те места, которые чересчур зарегулированы. Вот там, куда руками лучше не лезть, потому что это тоже определенного рода правовая политика: дать свободу там, где можно, без ущерба, чтобы никому это не наносило урон. Но там, где не нужно вмешательство, не вмешиваться.

Т. В. Абанкина: Эти два тезиса, о которых говорила Екатерина Эдуардовна, можно развить. И мы в нашем институте, и с Борисом Львовичем неоднократно это обсуждали, что вместе с тем, та доступность качественных услуг или качество, о котором говорила Ольга Викторовна, она все-таки связана и с возможностями сельской интеллигенции: работать там, повышать свою квалификацию и в то же время обеспечивать приток туда молодежи, новых специалистов. И многие сегодня жалуются, даже в связи с реализацией, как сказала Ольга Викторовна, приснопамятного национального проекта. Но когда идет развитие и создание инфраструктуры, огромный дефицит обнаруживается людей, которые могут сейчас, в том числе комплексы новые создавать, работать в них и так далее. И когда сегодня мы говорим о виртуальных залах, о том оборудовании, которое позволяет расширять доступ, то, конечно, сегодня работники в библиотеках, клубах и т. д., бесспорно... То есть часто это оборудование будет стоять нераспечатанное. Поэтому, как закреплено в законе об образовании: за счет работодателя возможность повысить

квалификацию по выбору самого человека. Причем нам кажется, с учетом того темпа обновления, это даже не раз в пять лет, а гораздо чаще можно делать, может, даже раз в три года. На период хотя бы развития и реализации... Это очень важно. В образовании они шаг за шагом, постепенно все-таки программы привлечения молодых специалистов... В образовании было даже привлечение лучших выпускников педагогических вузов для работы в сельских школах. Это было связано с тем, что им предоставлялись льготные кредиты, практически беспроцентные, подъемные для того, чтобы там обустроиться и прочее. И постепенно, что-то срабатывает, что-то нет, но сейчас новые варианты по получению опыта прорабатываются. И мне кажется, у меня тоже нет готового решения, но мы с Борисом Львовичем обсуждали, что, наверное, это будут лучше программные методы, но в законе по крайней мере норма, которая бы отсылала к таким программным мерам обязательно должна быть. Не исключено, что даже совместно с тем опытом, который накоплен уже и в проектно-культурной деятельности разными фондами (Фондом Тимченко, Фондом Потанина и целым рядом других фондов), обеспечил бы и поддержку этих инициатив, и возможность повышения квалификации и до определенной степени защитил бы их право на профессиональную реализацию, профессиональный рост и на профессиональный статус. Во всех сферах это важно, вот в сфере образования, в новом законе об образовании, в этих программных мерах все-таки определенные шаги сделаны. В образовании просто это еще тянущиеся нормы с 1938 года, ее вроде отменяли, но восстановили: право на льготы на коммунальные услуги, правда, там написано, «для людей, проживающих и работающих в сельской местности», поэтому понятно, как только человек уходит на пенсию, он этих льгот лишается, поэтому на пенсию никто не выходит. Хотели бы, но когда мы приезжаем в Бурятию, и нам говорят, что если они уйдут на пенсию, через год коммунальные платежи станут выше чем пенсия, то понятно... Но мне кажется, очень эти меры важные. У нас произошли, неоднократно об этом говорили и писали, очень серьезные изменения в системе расселения. Не только, вот у нас демографический спад, обезлюдивание, кроме обезлюдивания у нас на самом деле изменилась сама структура расселения. Очень выросла доля мелких и мельчайших населенных пунктов, которая сейчас по своей доле превзошла ситуацию 1959 года, когда мы все помним жесточайшую меру Хрущева о ликвидации бесперспективных деревень. Вот прошло 40 лет, у нас сейчас их больше, чем тогда. Поэтому, конечно, сегодня требуется перепроектирование сетей. Как бы хороши или плохи они ни были, но все-таки они важны. 1:48:40 И те, которые есть, они размещены не там, они не отвечают потребностям, требуется перепроектирование, и эта задача общенациональная. Это очень важно сегодня. Потому что ни клубы, ни людность населения или удаленность не решают эти проблемы. Мы чуть-чуть совершенствуем нормы, обеспечиваются нормативы, но принципиально важна другая модель, соответствующая системе расселения, и более того, мы много раз это говорили, начиная еще с проектов реструктуризации сети сельских школ, это должны быть другого типа, современные комплексные учреждения, может быть, не типовые, скорее решающие задачи реализации проектной деятельности в разных формах того проживающего населения. А не та матрица, которая задается. Это важные вопросы. И можно с долей скепсиса или фронды говорить по поводу разного единства или не единства, но бесспорно, концепция о том, что Россия — внутри садового кольца, а дальше начинаются регионы, она сегодня губительна. Поэтому не видеть этот огромный пласт...

И, вместе с тем, доля сельского населения в районе 23-25% сохраняется. То есть экстенсивная урбанизация прошла..., оно очень сложно в этих малонаселенных, как марля в

этой системе [1:50:35](#), но оно там есть, и оно нуждается в реализации своих жизненных планов и в общем в современной жизни и в доступе к культурным благам, и в общем, совместные усилия и государства, и общества, и фондов в том, чтобы делать эту жизнь достойной, в соответствии с современными требованиями, когда технические возможности как раз сегодня развиваются гораздо быстрее, хотя тут тоже особого оптимизма нет. И надо отдать должное, что мы все время говорим о полном доступе к, по крайней мере, интернету всех учреждений культуры, но примерно 70% по библиотекам и 60% по клубам охвачено, но это касается учреждений. Для населения доступ в интернет в этих клубах — это 10-12%. То есть надо понимать, что они сами имеют, но это не значит, что они способны сегодня предоставлять этот доступ в том числе и для посетителей, пользователей.

В. А. Куренной: Наверное, если кто-то не хочет еще специально выступить, мы можем подвести какие-то итоги. Во-первых, я бы хотел поблагодарить за очень интересные высказывания с точки зрения настоящих специалистов в области культурного законодательства. Безусловно, предложенный нам документ, наверное, мы можем с этим согласиться, едва ли в существующей форме является ясным руководством для правового строительства. С другой стороны, мне кажется, это показало обсуждение, имеет место довольно парадоксальная ситуация. Видимо, эта парадоксальность связана с тем, что из нас никто в собственном смысле отрасль культуры здесь не представляет. Мы представляем в узком смысле отрасль. Мне кажется, совершенно очевидно, что предложенный документ имеет ярко выраженный корпоративный, если не сказать сословно-корпоративный характер. В этом смысле наше отношение к этому, оно связано с позицией, которую мы можем или не можем занимать по отношению к так сложившейся корпорации. Мы знаем, что сфера культуры: а) самая, что называется, уникальная в стране, если она где-то и есть, то в других странах она скопирована с нашей; б) она является наиболее консервативной и наименее изменившейся начиная с послевоенного времени; в) она очень с большим трудом поддается изменениям. Я напому слова Сергея Капкова, в Госдуме он как-то сказал: «если я попробую закрыть хоть одну библиотеку, меня тут разорвет». Эта сфера, поверьте мне, умеет себя чрезвычайно хорошо защищать, потому что в поселениях с населением 10 тыс. человек может легко существовать по 6 библиотек, как остатки старого советского ведомственного корпоративного саморегулирования. И ни одну библиотеку там закрыть нельзя.

Т. В. Абанкина: А рядом культурная пустыня...

В. А. Куренной: Да, и шесть библиотек на 10 тыс. населения. [1:54:42](#) Мы на самом деле сейчас говорим: хорошо, принятый нац. проект обновить, подлатать эту инфраструктуру, но я напому, что за этим стоит довольно много людей и прежде всего местной, сельской, локальной интеллигенции. Эти учреждения культуры, если они на самом деле чему-то и служат, то ради того, чтобы в городе кружок бабушек-интеллигентов мог собираться в этом ДК и заниматься поэзией. Когда мы говорим о культуре, мы спрашиваем: нам нужны такого рода вещи? Или надо ликвидировать? Потому что проектной молодежной деятельности там не появится ни при каких условиях. Это вообще-то говоря, очень определенная корпорация, выражаясь терминами Антонио Грамши — это в точном смысле традиционная, сложившаяся в советское время, интеллигенция. Я напому, что сфера культуры у нас единственная, где законодатель решил, что можно снять ограничения на родственные

отношения. Это уже не просто корпорация, это в буквальном смысле сословие. Если кто-то слышал выступление нынешнего директора Пушкинского музея, он прекрасно знает, насколько... 1:55:59 Поэтому мы, конечно, должны занимать взвешенную позицию в отношении, прежде всего, людей, которые за этим стоят, а это значимый класс. И дело тут не в поддержке молодежи на селе, сегодня человек, работающий в ДК на селе, например, в каком-нибудь дагестанском селе, это ого-го какой уважаемый человек, потому что он один из немногих людей в этом ауле Гуниб, который получает бюджетное финансирование. Поэтому тут немного по-другому выглядит ситуация на местах. Это важный резервуар для определенного класса людей. Поэтому, мне кажется, можно сколько угодно критиковать эти начинания: с правовой точки зрения, с идеологической, но совершенно точно речь идет о довольно значительной социальной группе. Понятно, мы беспокоимся за судьбу гигантских культурных индустрий вроде Эрмитажа, которые сегодня являются практически градообразующим предприятиями, судя по тому, что им насчитывает Европейский университет в качестве вклада в доход Санкт-Петербурга. Но речь идет именно об этом. На мой взгляд, заявленный документ является с этой точки зрения попыткой а) защитить эту группу и б) несмотря на то, что Анатолий Борисович резко высказывается, все-таки защитить культурную государственную деятельность от совершенно невозможного, ликвидированного разделения властей в этой сфере. Потому что даже в Советское время все-таки идеологию определяла партия, а не Министерство культуры. Сегодня так случилось, что это хуже, чем в СССР, потому что идеологию определяет уже Министерство культуры. Все-таки сфера культуры в этом смысле всегда была довольно нейтральной.

Т. В. Абанкина: Коллеги, я хочу на оптимистической ноте завершить. Большое всем спасибо! И несмотря на такие скептические, критические высказывания, то, что все-таки люди пришли на это экспертное обсуждение с разными целями, в том числе посмотреть в глаза тому, кто это все создал, я не теряю надежду, что все-таки то экспертное сообщество, которое есть, тем не менее не оставит совсем без участия этот документ. И я надеюсь, что постепенными шагами как-то можно будет его улучшать и вносить туда хоть что-то. Может быть, не этот документ, но саму ситуацию и дискурс, связанный с необходимостью... При том, что сейчас общество очень расколото, то экспертное сообщество должно сплотиться.

Расшифровку семинара подготовила Любовь Герасенко.